

Наталія Доманчук

РАЗВОД
ЗА ТРИ
СВИДАНИЯ

Наталия Доманчук

Развод за три свидания

<https://litres.ru/74617109>

SelfPub; 2026

Аннотация

В свои тридцать три я вдруг поняла, что добилаcь всего, чего хотела, и готова выйти замуж. Естественно, по любви.

И эта любовь случилась! Только я никак не предполагала, что мужчина, которому я готова доверитъ своё сердце — женат.

Для него я — простая интрижка, а его жена прекрасно об этом знает. Потому что у них — свободный брак.

Жаль, что я не настолько «современная», чтобы находить в этом что-то романтическое. У меня всё ещё есть принципы, и главный из них: я не встречаюсь с женатыми мужчинами!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталия Доманчук

Развод за три свидания

Глава 1

Влада

На часах 22:47. Офис пуст. За стеклянными перегородками темно. Только экран моего монитора светится диаграммой движения дебиторки по филиалам. Синяя кривая вверх, красная — вниз. А я сижу, как обычно, за этим столом. Не ела, не вставала, не замечала, как прошло шесть часов с момента, как все ушли.

Я не помню, когда начала плакать. Теперь уже слёзы просто текут по щекам, а я сижу и смотрю перед собой. Мне не больно. Я просто устала от жизни, в которой всё по плану — кроме самого главного.

Дверь резко открывается, и на пороге появляется Нина — моя лучшая подруга.

— Влада?..

Я тут же отворачиваюсь, но она уже успела всё увидеть.

— Это что еще за новости? — она подходит ближе, медленно, с той осторожностью, с какой хорошие сомелье наливают старое вино. — Что случилось?

Я отвожу взгляд. — Все хорошо.

— Влада... — она садится рядом. От неё пахнет винным погребом, корицей и каким-то терпким мерло. Наверное, только с дегустации.

Моя подруга выбрала себе интереснейшую профессию - она сомелье.

Я вытираю слезы. — Правда все хорошо. Просто устала. Ты что тут делаешь?

Нина мотает головой:

— Ответ неправильный. Чем быстрее расскажешь - тем быстрее поедем домой.

— Как ты попала в офис? — я все же пытаюсь поменять тему.

— Ехала с дегустации и увидела свет в твоём огромном офисе. Охранник пропустил, лапочка. Но ты тему не переводи и рассказывай, по какому случаю потоп?

Слезы опять наворачиваются на глаза: — Мне тридцать три.

— Да, — тихо отвечает Нина.

— А я одна.

Подруга молчит и даже не пытается меня успокоить: никаких «ну не совсем», никаких «зато успешная». Я впервые в жизни это произношу вслух.

— Я проснулась сегодня утром, — говорю почти шёпотом, — сварила кофе, открыла ноутбук – и поняла, что кроме таблиц и тебя у меня нет вообще ничего.

Нина смотрит на меня спокойно. Её лицо — как выдер-

жанный гевюрцтраминер: немного пряное, немного печальное, немного терпкое.

— Я поняла, что если прямо сейчас упаду со стула и умру, то Excel-таблица меня не спасёт.

— Не спасёт, — кивает она.

— А ещё... — я сжимаю кулаки, — если бы мама это видела, она бы всё равно сказала: «Ну ты же сама выбрала карьеру. Теперь нечего ныть».

Нина берет меня за руку: — Ты решилась выйти замуж?

Я дергаю плечами:

— Просто думаю, что пора менять жизнь, — я вздыхаю. — Да, хочу замуж и дочку. Но...

Нина перебивает меня:

— Никаких но. Я с тобой согласна! Хватит быть редким коллекционным вином, которое пьют только ценители. Ты не бутылка. Ты человек. И ты имеешь право не только на графики и контроль. А ещё на обнимашки, омлет, совместные каникулы и тупые шутки. Даже если тебя от них корёжит. Так что прямо сейчас мы скачиваем приложение знакомств, и ты завтра же уже встречаешься с первым кандидатом.

Я беру салфетку, промокаю лицо. — Хорошо. Только ради эксперимента. — Конечно, — кивает Нина. — Только ради слёз, которые я больше не хочу видеть.

— А ты думаешь, я найду мужчину, который подходил бы под мои критерии, — спрашиваю я у подруги.

Она сразу же оживляется:

— А мы все критерии обговорим на берегу! Давай начнем с того, что сядем и запишем их. Да? — она подмигивает и берет со стола блокнот и ручку. — Слушаю тебя и записываю.

— Хочу, чтобы у него был мозг, — начинаю я. — И чтобы он не использовал слова типа пупсик или малышка.

— Отлично. Идем дальше, — водит ручкой по блокноту Нина. — Чтобы был богатый, да?

— Нет. Мне не нужен богатый. Мне нужен адекватный. А богатые неадекватны. Проверено.

Нина берет мой телефон. — Я знаю одно хорошее при-
ложение. Я сейчас его скачаю и мы заполним анкету. И, ра-
ди всего святого, не будем писать туда, что у тебя IQ как у
шахматного компьютера и ты консультировала Центральный
банк.

— А что писать?

— Что ты... ну... экономист. Любишь собак, ходишь в театр. Всё. И аватарку попроще. Где ты в простой кофте. Без кольца с изумрудом размером с киви.

Я закатываю глаза, но всё равно киваю.

Нина быстро что-то вводит и вручает мне телефон, как будто это святой грааль. Я смотрю на экран с выражением че-
ловека, которому предложили поучаствовать в реалити-шоу
«Найди любовь и не прищучь никого в процессе».

— Начнём с имени и фамилии, — диктует она. — Только не Любарская.

— Что не так с моей фамилией-то? — поднимаю я обе брови

в удивлении.

— Пафосная она у тебя! — отмахивается Нина.

Я закатываю глаза: — Ой, простите, что я не вышла фамилией. Могу взять Влада Вертепова. Или Психея Ядерная. — Просто Влада, — отрезает Нина. Без фамилии, без указания на высшее образование и без приписок типа «ищу сильного мужчину, способного выдержать диалог».

Я печатаю: *Влада, 33. Экономист. Люблю театр, собак и стабильность налоговой базы.*

— Фото давай выберем. Вот это, где я в футболке с надписью «Чёрный нал» — подойдёт?

— Нет! — Нина хватает мой телефон, перелистывает галерею и вдруг замирает: — Вот. Смотри. Ты тут... нормальная. — Это с похорон. — Тем более. Ни намёка на выпендрёж.

Я загружаю фото, где я действительно в чёрной кофте, без макияжа, с суровым взглядом и крошкой от печенья в уголке рта. Типичный маркетинг: продаём личность, не упаковку.

— Пиши в профайле, — велит Нина. — *Умная, честная, не ищу развлечений. Умею молчать, но не буду. Пишу без смайликов, потому что не считаю их полноценными участниками дискуссии.* — Не буду я про смайлики, — возмущаюсь я. — Почему? — Потому что сейчас никто без смайликов не пишет!

Мы спорим десять минут, потом я сдаюсь и оставляю: *«Ищу человека, с которым можно говорить и не тупить».*

— А теперь выбирай мужчин, — радуется Нина. — Прин-

тип простой: лайкай тех, у кого нет селфи в спортзале, рыбы в руках и фразы «ищу добрую, простую девушку». — То есть из ста вариантов — минус девяносто девять. — Идеально. Меньше работы.

Я не лайкаю, а просто смотрю - скроллю.

Первый — мужчина в костюме. Фото на фоне автомобиля с американскими номерами и надпись: *«Умею любить, если есть за что»*. — Пропускаем, — комментирует Нина.

Следующий — улыбающийся тип на пляже. В шортах и на фоне фразы: *«Открою мир удовольствий»*. — Он либо массажист, либо проблема, — вздыхаю я.

Ещё один. Борода, глаза с поволокой, аватарка с котёнком. — Это женщина. Спорим? — сую я под нос фото подруге и почти закрываю приложение, как вдруг — появляется сообщение. **Имя:** Кирилл. **Возраст:** 34. **Профессия:** «Свободный специалист в сфере SMM и кибердискурса»

— Кибердискурс - это что, диагноз? — спрашивает Нина.

Я не отвечаю, пока рассматриваю фото. Он в футболке с волком. На фоне джакузи. На балконе. В панамке.

Подпись к анкете: *«Мужчина с руками. Нормальный. Без понтов. Встретимся — увидишь»*.

Я смотрю на это лицо, на волка, на джакузи, на панамку, и думаю: ну, вдруг просто неудачное фото?

Он пишет: — **Привет, ты мне понравилась. Умная, видно сразу. Не куришь? А то мне запах не нравится.**

Я делаю паузу. Отвечаю: — **Не курю. У меня другой**

способ разрушать себе жизнь.

Через три минуты: — **Ха, крутая. Мне такие нравятся. Только не стерва, надеюсь? У меня до этого была одна — трындец, как мозг выносила. Ушла к фитнес-тренеру.**

Я медленно вдыхаю и пишу: — **Искренне сочувствую. Скажите, у вас на фото балкон арендованный? А джакузи ваше?**

Он моментально оживляется: — **А ты прям такая интересная, что прям сразу в джакузи лезешь? ##**

Я не успеваю закрыть диалог — ещё одно сообщение: — **У тебя такие глаза, наверное, опасная. Это мне нравится. Мы с тобой друг друга стоим. Давай сразу — хочешь детей? Я хочу, но не сейчас. Лет через пять.**

Я моргаю. Один раз. Второй.

Нина, читающая все это и наблюдающая за нашей перепиской, даже рот открывает, но потом сразу его закрывает. Видимо, ей или очень нравится, или совсем нет. Понять сложно. — **Можно через шесть? Или строго через пять? Мне нужно спланировать овуляцию на отпуск.**

Он отвечает моментально. — **##### Вот это я понимаю, чувство юмора!**

Я выключаю экран, кладу телефон на стол и закрываю глаза.

Нина шепотом спрашивает: — **Не понравился, да? — Ты когда-нибудь чувствовала, как IQ тает у тебя под руками? —**

Нет, — признается она. — Он у меня такой, что падать ему некуда. — Если бы мой интеллект был чашкой кофе, он бы сейчас сам вышел в окно.

Она смеётся, а я — нет. Я уверена, что эта переписка вызвала у меня локальный инсульт.

— Ладно, не дрейфь! — бодрит она. — Это только начало. Это первый блин! — Просто этот первый блин сразу вываливает тебе глютеную правду жизни. — Давай следующего?

Я аккуратно беру телефон в руки, но потом говорю подруге:

— Поехали по домам, завтра продолжим. Я очень устала.

Глава 2

Влада

Я довожу Нину до дома и несусь по пустой Мосфильмовской домой. Доезжаю на подземную парковку, встаю на место и отпускаю руки. Почему-то вспоминаю утро - как растянулась в десяти метрах от офиса и разлила свой кофе.

— Осторожней, деточка. В жизни надо не только бежать, но и замечать, куда идёшь, – услышала голос и только тогда заметила на лавочке бабушку: белая вязаная шапка, неловко сидящая куртка, будто с чужого плеча, серая сумка.

Я кивнула, не зная, что ответить, но не ушла сразу. Осталась стоять, как будто ждала, что она скажет ещё что-то. Неужели я так нуждалась в случайной компании? Или это после ночи без сна? Когда наступает ночь, я более отчетливо чувствую одиночество...

Незнакомая бабушка в тот момент посмотрела на меня пристально:

— Жизнь — как коробка шоколадных конфет.

Я невольно улыбнулась. Это фраза из фильма Форрест Гамп. Мне всегда нравился этот фильм, потому что он был простым и честным. Я решила подыграть:

— Никогда не знаешь, что получишь?

Она пожала плечами:

— А может, мы как раз знаем. Именно поэтому берём од-

но и то же снова и снова.

Я кивнула.

— Последовательность — это хорошо.

Она слегка усмехнулась:

— Последовательность — это свойство уставшего ума.

— Это тоже из Гампа?

— Нет, просто запомнилась мысль.

Я присела рядом. Мне просто захотелось с кем-то побыть, хоть пару минут, поболтать не о работе, а просто так, ни о чем. Или обо всем на свете, только не о работе. Обычно я не сижу на лавочке в мороз и уж точно не говорю с незнакомыми бабушками.

— А вы чего сидите здесь, не замёрзли?

Она медленно повернулась ко мне:

— Каждый человек хватается своё прямо сейчас. Как только видит — хватается, будто от этого жизнь зависит. А если не успевает — начинает нервничать, как будто ещё минута ожидания — всё, трагедия. Я вот раньше тоже такой была. Теперь сижу, смотрю, как всё кружится мимо меня, и хочу понять, что почувствую, если ничего не возьму.

Я не знала, что сказать. Просто, подумала, что она странная. Или слишком одинокая.

— И как? — спросила я наконец.

— Признаться — удивительно легко. Смотреть, как другие суетятся, а ты — нет. Не спешить. Не хватать. Не бояться, что не достанется. Очень впечатляет.

В её голосе была лёгкость, а в глазах — такая тишина, что захотелось поверить: она правда так живёт. Правда не ждёт и ничего не боится.

Но я знала — это неправда.

Пустота у неё в глазах была такая, что слов не надо. Хотелось спросить: не потому ли она так говорит, что никто её уже не ждёт? Потому что если бы ждали, ей было бы не всё равно.

И вдруг я подумала: а не приду ли я к тому же?

Я всю жизнь сама. У меня всё по плану: всё точно, чётко, без лишних эмоций, и я горжусь этим. Умная, независимая, обеспеченная. А потом — раз, и ты на скамейке. И ничего, кроме одиночества, вокруг нет.

Я вспомнила родителей. Маму, которая выбрала отца, а он исчез, едва мне исполнилось семь. Я не хотела быть как она - не хотела ставить на людей. Я стала другой, пошла по карьерной лестнице, выбрала цифры, а не людей. Я выбрала себя и не заботиться о других.

Но в это утро, рядом с этой бабушкой, я вдруг поняла: я *хочу* заботиться.

Я хочу, чтобы у меня был кто-то, о ком я думаю. И я хочу, чтобы и про меня кто-то думал.

Я поднялась и посмотрела на неё:

— Берегите себя, бабушка.

— А ты попробуй не спешить, — ответила она.

Я уже развернулась, чтобы уйти, но вдруг остановилась.

— Можно вопрос?

Она повернулась ко мне с лёгким прищуром. — Конечно. У меня — вагон времени.

— А скажите честно... есть ещё какая-то причина, почему вы тут сидите в семь тридцать утра?

Бабушка вздохнула и посмотрела в сторону, будто решала — говорить или нет. — Большинство моих друзей переехали — кто на тот свет, — она подняла глаза к небу, — кто к детям за границу. Мужа у меня давно нет. Дочь... — она сделала паузу, — тоже. Теперь в квартире тихо, и каждый вечер одно и то же: чай, телевизор, тишина. Мой дом — не дом. Это, знаешь, как раковина на берегу — пустая, забытая. Никто её не переворачивает, а если и перевернёт, то обратно уже не положит. Мне одиноко. Понимаешь?

Я медленно кивнула и снова присела на лавочку. — Понимаю. У меня вот родители живы, но я... никогда не была замужем. У меня нет детей и всего одна подруга. Если честно, в моем доме тоже пусто.

— Только ты молодая, — сказала она. — У тебя ещё есть время всё изменить.

— Возраст не всегда что-то решает. Я, может, только сейчас впервые задумалась, что так больше не хочу.

Она улыбнулась: — Это хорошо, что ты задумалась. У меня уже на это нет сил.

— А вы всё равно попробуйте, — тихо посоветовала я. — Никогда не поздно завести нового друга. Никогда не поздно

полюбить.

Она усмехнулась. — Посмотрим.

— Меня зовут Влада, — я протянула ей руку.

— А меня — Антонина. Но можно просто Нюта.

— Ну что ж, Нюта, похоже, у вас теперь есть новый друг.

Видите, как всё просто.

— Уже друг? — удивилась она.

— Всё дело в намерении, — улыбнулась я. — Как насчёт чая? Завтра, днём, на этой скамейке. С меня чай - с вас ценные мысли. Или ты цитаты, которые вы запомнили.

Она чуть выпрямилась, а я продолжила: — Вы же сами сказали — у вас вагон времени. У меня пока вагон мыслей. Надо их выгрузить.

Я встала, теперь уже точно собираясь уходить на работу: — Тогда встречаемся завтра в два? На этой скамейке?

Антонина улыбнулась. На этот раз — по-настоящему. — Договорились.

Глава 3

Влада

Я просыпаюсь в половине седьмого — для четверга это почти преступление. Но сегодня исключение. Впервые в жизни я думаю не о работе, а о встрече с бабушкой.

Я весь вечер крутила в голове тот разговор на лавочке — и всё не могла понять, почему он так меня задел. Так затронул, что к вечеру я просто не выдержала. Может быть, потому что она сказала вслух то, чего я сама себе боялась признаться. Что можно быть с виду спокойной, ироничной, даже веселой, но при этом оставаться одинокой.

Я умываюсь, готовлю кофе и подумываю над тем, что надеть. Успеваю сделать только пару глотков любимого напитка, когда телефон загорается экраном: «Любимая подруга».

— Доброе утро, — говорит она сладким голосом. — Как спалось финансовому директору? Или снова душила подушку в объятиях Excel?

— Нормально, - бурчу я.

— Понятно, – вздыхает Нина. – Снова не с той ноги встала? Но не надейся, что я сейчас отключусь и отстану. Я звоню по делу, между прочим. Пора обсудить твою личную жизнь.

Я фыркаю:

— Или её отсутствие.

— Ошибаешься! — В голосе подруги — дьявольское ве-

селье. — У меня, между прочим, есть доступ к приложению и твоему профайлу. Угадаешь, как?

— Нина...

— Да, да, я же сама устанавливала тебе приложение. Так что я в курсе, что у тебя уже 33 сообщения. Некоторые из них, кстати, от удивительно живучих представителей палеолита.

— Прекрати. Это незаконно, – хихикаю я.

— Это забота. И ты не остановишь меня. Потому что... я уже записала тебя на свидание.

Я замираю:

— Ты – что сделала?

— Сегодня. В восемь. У памятника Станиславского и Немировича-Данченко. Ресторанов рядом — уютных и непритязательных, с хорошим вином и приличным освещением - полно. Так что тушь не поплывёт, если тебе вдруг захочется плакать от скуки.

— Нина...

— Мужчину зовут Максим. Директор по развитию в энергетической компании. Нет, не олигарх, но умный, уравновешенный и умеет ставить запятую в сложносочинённом предложении. Я проверила.

— А он в курсе, что я о нём ничего не знаю?

— Разумеется. Ты — таинственная женщина с сарказмом вместо духов. Он уже заинтригован. Фото одобрил. Особенно то, где ты ешь мороженое на Патриках.

Я закрываю глаза и прижимаю телефон к уху:

— А если я не приду?

— Придёшь. Потому что я поставила тебе напоминание в календаре, заказала тебе такси и уже предупредила Макса, что ты не всегда пунктуальна, но всегда — шикарна.

— Ты пугаешь меня.

— Держись. Так выглядит настоящая дружба. Терпимая форма безумия. А теперь иди на работу, а вечером — будь как вино. Только лучше.

— Ты сомелье, ты обязана была это сказать.

Она смеётся, прощается — и я остаюсь в тишине.

Смотрю на платье, висящее на двери шкафа. Да, пожалуй, день сегодня действительно обещает быть интересным.

Утро проходит в ритме «отчёт-кофе-совещание». Я ловлю себя на том, что дважды не слушаю партнёра на зуме и один раз забываю пароль от собственной учётки.

Когда часы показывают 13:48, я откладываю ноутбук, надеваю пальто, достаю из ящика коробочку с шоколадными конфетами и иду вниз.

Выхожу на улицу. Снег снова идёт — тихий, мягкий, почти театральный. На скамейке я вижу сначала белую шапочку, а потом и бабушку.

— А вот и ты, — говорит Нюта, как будто мы встречаемся каждую неделю. — Опаздываешь на четыре минуты.

— Мне казалось, вы в прошлый раз хвалили неспешность, — я протягиваю ей руку и коробочку конфет. — Пойдемте,

я угощу вас самым вкусным чаем.

— Если он действительно вкусный — тогда простительно, — кивает Нюта, но взгляд у неё не на мне, а на коробке.

Она берёт её двумя руками, аккуратно, будто я вручила ей золотой слиток, и на мгновение даже не двигается, просто смотрит, как на драгоценность. Потом прищуривается и благодарит:

— Вишня в шоколаде. Мои любимые конфеты. Спасибо!

Кафе через дорогу. Маленькое, с витриной в виде арочного окна и вывеской: «*Тёплое место*». Не самый выдающийся дизайн, но внутри — мягкий свет, уютные кресла, пар из чашек и полки с книгами, которые, по слухам, никто не читает, но зато они создают настроение.

Мы входим. Гарсон в рубашке с засученными рукавами кивает мне, узнает. Здесь я частенько беру кофе по утрам.

— Нам столик у окна, пожалуйста, — говорю я. — И два чая. Один — марокканский с мятой. Второй — с имбирём и мёдом. И, — смотрю на Нюту, — два ореховых тарта, да? Всё-таки жизнь коротка, а сахар — утешителен.

Мы садимся. Я снимаю пальто и вдруг ловлю себя на том, что улыбаюсь.

— Здесь хорошо, — говорит бабушка. — Не шумно. И пахнет выпечкой.

Я наблюдаю, как она аккуратно разворачивает салфетку и поправляет ручку сумки. Её движения — медленные, но уверенные.

Нам приносят чай.

— Знаете, — говорю я, обхватывая чашку ладонями, — я вчера долго думала о нашей с вами утренней встрече. Удивительно, но вы, кажется, стали первым человеком за долгое время, с кем я поговорила не о задачах, не о планах, не о бизнесе. Просто — как человек с человеком.

Нюта улыбается:

— Мне это знакомо. Я уже прожила жизнь, в которой всё было «по плану». Сначала у родителей, потом с мужем, потом на работе. У каждого этапа была задача. Выполнила, отметилась, пошла дальше. А потом внезапно оказалось, что никто не ждёт ни следующего шага, ни отчёта, ни звонка. Одинокие старики — страшная вещь, — тихо говорит она.

Я даже не знаю, как ее подбодрить, но Нюта в этом не нуждается и продолжает:

— Одинокие молодые — не меньше. Только у стариков, понимаешь, уже нет иллюзий, что что-то изменится. А у вас — есть. И это большая роскошь.

Нам приносят по ореховому тарту и бабушка, отковырнув кусочек, отправляет его в рот.

— Когда вы почувствовали, что остались одна? — спрашиваю я.

Она не сразу отвечает, жует и смотрит в окно.

— Наверное, когда перестала готовить обед на двоих. Привычка — штука сильная. Даже сильнее любви. Можешь не любить, но всё равно накрывать на двоих. А когда вдруг

ставишь одну тарелку — вот тогда и приходит осознание.

Я сжимаю пальцы на чашке.

— Но потом случается утро, свежий хлеб, пары, идущие под руку и вот такие разговоры: короткие, мимолётные, но живые. И снова кажется, что жизнь прекрасна.

Я опять улыбаюсь. Наверное, я сегодня улыбаюсь чаще, чем за весь последний год.

— Я рада, что мы познакомились, — говорю я. — Честно. У меня почти нет таких людей, рядом с кем хочется быть без брони.

— А зачем тебе броня? — хмыкает она. — Ты же не на войне.

— Иногда кажется, что как раз на ней. Особенно в мире, где слабость — это почти преступление.

— А одиночество — это медаль? — парирует она. — Вот и я говорю. Иногда надо дать себе разрешение быть... живой. Со страхами, с глупостями, с чайными посиделками посередине рабочего дня.

Мы замолкаем. За окном идёт снег, медленно и лениво.

— У вас красивые руки, — вдруг говорит Нюта. — Умные.

— Никогда не думала, что руки могут быть умными, — смеюсь я.

— Могут. По ним видно, что ты молодец. Но вот что я тебе скажу: в конце концов всё равно хочется, чтобы кто-то эти руки держал. Даже если ты считаешь, что справляешься

одна.

Я прикусываю губу. Хочется сказать «спасибо», но в горле что-то застряло.

— Можно вам предложить дружбу?

— Можно, — смеется она. — Приходи ко мне в гости в субботу? Я живу на Малой Бронной.

— Ого! — не сдерживаясь, восклицаю я. — На Патриках? Это же самый крутой район в Москве.

— Самый пафосный, — хмурится бабушка. — Ужасный стал район, если честно. Я живу на втором этаже, а под моей квартирой пять ресторанов. Ночью как включают свои кондиционеры и вентиляцию — не могу заснуть! Ну ладно, это я так, ворчу. Старикам свойственно ворчать...

Мы доедаем наши десерты, допиваем чай, я расплачиваюсь, и мы выходим из кафе. Возле дверей она останавливается, строго смотрит на меня и журит пальцем:

— Сегодня сделай что-нибудь не по плану. Не бойся. От этого ещё никто не умирал.

Я улыбаюсь и признаюсь: — У меня сегодня свидание в восемь.

Нюта приподнимает брови, будто только что услышала, что ей внезапно повысили пенсию.

— Правда? — спрашивает она, подозрительно вглядываясь мне в лицо. — Или это ты так шутишь, чтобы бабушку порадовать?

— Нет, честно.

Нюта мягко берёт меня под руку — не как бабушка, а как подруга, которой важно, чтобы ты не соскочила с нового курса.

— Только не играй там никого. Будь собой. Ну или хотя бы... на восемьдесят процентов собой. Остальное можно приберечь для второго свидания.

— А если его не будет?

— Тогда снова будет первое свидание для другого. Ты только разреши себе это. А дальше — пойдёт.

Мы стоим возле кафе, снег ложится на плечи, и я вдруг чувствую, что мне не холодно.

— Влада, — говорит она, — если он тебе не понравится — ничего страшного. Но если ты не попробуешь и никуда не пойдешь — вот это уже будет беда.

Я обнимаю её — осторожно, неловко, но от души.

— Спасибо вам.

— Мне не спасибо надо. Мне нужно, чтобы ты завтра пришла и рассказала, как всё прошло. Давай завтра в два прямо тут, в кафе? Ну а чего ждать до субботы?

Я смеюсь:

— Давайте.

Она уходит медленно, чуть вразвалку по снегу. А я остаюсь, будто меня пригласили в новый сюжет, где никто ещё не знает концовки, но все очень надеются, что она будет светлой.

Глава 4

Влада

Я возвращаюсь в офис с уже остывшим сердцем. Снег всё ещё идёт, но теперь он кажется каким-то мягким, почти уютным — будто мир решил немного прикрыть свои острые углы ватным одеялом.

В офисе меня ждет три незапланированных совещания. На первом партнёр из Новосибирска полтора часа пытается доказать, что всё «по плану», хотя из отчёта ясно — горит всё!

На втором — наш главный юрист теряет голос, но продолжает спорить по Zoom жестами. На третьем — я, тихо матерясь, собираю заново финансовую модель, потому что маркетинг внёс правки и забыл сказать. К шести часам у меня нервно подрагивает левое веко и возрастает желание уйти в тибетский монастырь.

Когда стрелки заходят за семь, я отключаю ноутбук, накидываю пальто и ухожу с работы как шпион.

На улице всё тот же снег, но теперь он в свете фонарей выглядит почти торжественно. Пушистый, как декорация к фильму. Такси уже ждет меня у офиса. Все же Нина — не только замечательная подруга, но еще и очень умная. Памятник Станиславскому и Немировичу-Данченко находится практически на Красной площади. Машину там оставить

негде! И хоть у Нины нет автомобиля, но она учла этот факт и заказала мне такси бизнес-класса.

Водитель останавливает прямо возле двух бронзовых фигур. Интересно, чья была идея встретится именно тут?

У самого памятника никого нет. Мимо проходят только редкие парочки, закутанные в шарфы, как в коконы — почти в унисон с самим памятником. Но вот я вижу мужчину, и это, скорее всего, Максим. Он одет в чёрное пальто, волосы — аккуратно уложены, глаза бегло скользят по сторонам. Не ухмыляется, не позирует, и в целом выглядит так, как будто ему не чуждо полюбоваться собой в витрине. Я останавливаюсь, чтобы посмотреть на него со стороны. Хороший подбородок. Чистые ботинки. Не курит. Уже неплохо.

Он замечает меня и делает шаг навстречу.

— Влада? Очень рад, наконец, познакомиться лично.

— Взаимно, — отвечаю и пожимаю протянутую руку. Тёплая, сухая ладонь. На удивление, не потная — а ведь зима часто делает из людей липких ежей.

Макс кивает на памятник:

— Знаете, я стою тут минут десять и пытаюсь понять — это гениальная идея назначить свидание возле театра или всё-таки чрезмерно метафоричная.

Ага. Значит, идея не его, а моей любезной подруги! Ну что, спасибо, Нина! Сейчас срочно надо вспомнить что-то про Станиславского! К сожалению, кроме Не верю! ничего в голову не приходит.

— Мне кажется, что театр — это всегда чуть-чуть драма и чуть-чуть обман. Разве это не идеально для первого свидания? — спрашиваю я.

Макс смеётся. Негромко, но искренне. Улыбка у него явно без фальши. Это слегка сбивает меня с толку — я ожидала нарцисса с бизнес-мышлением и аллергией на сарказм.

— Судя по тому, что мы оба здесь — идея рабочая, — парирует он. — Пойдёмте, я покажу вам кое-что.

Он указывает в сторону, и мы проходим через арку во двор. Луна висит высоко, как светильник, выведенный на сцену, и снег всё ещё идет. Деревья стоят в хрупких, покрытых инеем одеждах.

— И что мы ищем? — спрашиваю я, когда чувствую, что уже замерзла.

А еще я ужасно хочу есть! Последний раз я обедала чаем и тартom в два часа дня!

— Вон там, — показывает он. — Видите вон там, на дереве?

Где-то наверху я замечаю тонкие переплетения веток — в одной из развилок виднеется небольшое птичье гнездо. Без птиц, конечно. Но оно будто бы ещё хранит тепло. Я невольно замираю и смотрю вверх.

Макс замечает мой взгляд.

— Зимой здесь всё вымирает, но это гнездо — упрямец. Не падает уже несколько сезонов.

— Символично, — киваю я. — Некоторые держатся до последнего.

— Или надеются на весну.

Он на секунду замолкает, а потом достаёт из внутреннего кармана... бинокль. Да-да, складной бинокль. Я в полушаге от того, чтобы развернуться и уйти.

— Это сейчас выглядит странно, — говорит он. — Но я люблю наблюдать за птицами. Даже зимой. Говорят, это помогает развивать внимание к деталям и учит терпению. Ну и... в общем, посмотрите.

Я беру бинокль. Вижу дерево, снег, снова гнездо... и вдруг — серая птичка. Очень маленькая.

— Она... живая?

— Да, это поползень. Редко появляется зимой, но бывает. Мне нравится думать, что даже самые крохотные существа находят, где укрыться и выжить.

Я опускаю бинокль. Максим больше не кажется вылизанным карьеристом. В нём есть что-то... неожиданно настоящее.

— Не ожидала, — признаюсь я.

— Я рад удивить, — он смотрит на меня, уже без ухмылки. — А теперь, если вы не против, давайте поужинаем? Теперь он говорит на моём языке.

Может, зря я так напрягалась перед этой встречей. Кажется, Максим очень даже ничего!

Мы выходим из двора и сворачиваем в Камергерский пе-

реулок.

Глава 5

К счастью, идем мы недолго и заходим в ресторан. Я бывала тут пару раз: интерьер простой - деревянные столы без скатертей, почти никакого декора, но со вкусом.

Мы садимся за столик у стены. Максим помогает мне снять пальто — получается непринужденно и галантно, мы получаем из рук официанта меню, и, не успеваю я вникнуть в список блюд, как он достаёт из внутреннего кармана пальто... маленькую стеклянную баночку. Я сначала думаю — может, мёд? Печенье? Но он ставит её прямо передо мной на стол и говорит:

— Это соль.

— Прекрасно, — говорю я, не зная, как реагировать. — Вроде бы, она уже здесь есть.

— Не такая, — отвечает он серьезно. — Моя, гималайская. Я везде ношу её с собой. Она добавляет вкусу объём, особенно в пасте и рыбе. Хотите — попробуйте?

Я аккуратно открываю баночку, нюхаю — пахнет... солью.

— Спасибо, но я, честно говоря, не фанат соли.

— Я тоже, — кивает он. — Именно поэтому — только эта. Её можно много и без вреда. Она ещё щелочит.

Мне хочется сказать, что у него, скорей всего, мозг щелочит, но я пока держусь.

Мы делаем заказ, и пока официант уходит, Максим достаёт телефон, наводит камеру на салфетку, затем на стакан с водой, потом на мою вилку. Щёлк-щёлк.

— Я веду гастроблог, — объясняет он мне как бы между прочим. — Пока больше набираю базу, но думаю, может, ближе к лету стартовать нормально. Я даже курсы нутрициолога закончил.

— Ничего себе! — фальшиво восхищаюсь я.

— Когда понимаешь, что ешь и зачем, лучше спишь, — продолжает объяснять мне Максим. — И лучше работаешь. Стабильность в тарелке — стабильность в отчётах.

Да, все-таки первый звонок с биноклем был не просто звонком, а колокольным звоном! Нужно было бежать еще возле Немировича-Данченко. Теперь вот придется ужинать в компании с гастроблогером и любителем понаблюдать за птичками. Интересно, чем еще он меня удивит?

Нутрициологическая соль всё ещё стоит посреди стола и светится, как артефакт, обещая мне еще больше сюрпризов.

Нам приносят еду. Максим не прикасается к блюду, пока не делает по три кадра с каждого ракурса. Потом — крупный план ложки. Потом — меня, с вилкой на полпути ко рту.

Я застываю, как глупая модель на кулинарном показе. Секунда — и уже представляю, как моя фотография с какой-нибудь дурацкой подписью появляется в его гастроблоге.

У меня есть две опции. Первая — устроить скандал и за-

ставить удалить все фото со мной, а вторая — просто продолжить есть, потому что я взрослая. Я выбираю вторую. Скандал в ресторане — это весело только в книгах и в кино, а в жизни он заканчивается тем, что ты залитой соусом едешь домой.

Я делаю вид, что всё в порядке, и начинаю есть. Рыба действительно хороша, но внутри у меня уже ползёт знакомое ощущение неловкости. И тут Максим вдруг спрашивает:

— Слушай... А как думаешь — сколько будет счёт?

Я поднимаю глаза. Думаю, я ослышалась.

— Какой счет?

— Ну, сколько мы наели, как ты думаешь? Если попадёшь — я угощу тебя десертом. Обожаю такие игры.

Я замираю на секунду.

Во-первых, я не смотрела на цены. Во-вторых, с каких это пор взрослые мужчины устраивают квизы по оплате?

— Я даже не помню, сколько стоит моё блюдо, — говорю честно.

— Значит, ты не тарелочница, — смеется Максим. — Тарелочницы выбирают самое дорогое блюдо в надежде, что мужчина оплатит. Ну, знаешь, омаров заказывают, крабов. Я стараюсь в такие рестораны на первое свидание не приглашать. Только не подумай, что мне жалко денег, просто... Ну, ты понимаешь!

Нет. Я вообще ничего не понимаю. Какие ещё тарелочницы? Это что, женщины, которые воруют посуду в рестора-

нах? Или те, кто не ест, а раскладывает еду по тарелке по правилам золотого сечения?

Я смотрю на него и впервые всерьёз задумываюсь — может, это я сошла с ума? Может, весь этот вечер происходит не в Москве, а в альтернативной реальности, где взрослые мужчины на свидания берут с собой соль и бинокль, но при этом у них нет денег на крабов?

Я делаю глоток воды. Только бы не рассмеяться прямо сейчас в голос с той ситауции, в которой я сейчас нахожусь. Или не бросить вилку и не уйти. Хотя, если честно, оба варианта сейчас выглядят пугающе привлекательными.

— Скажи, — говорю я, сохраняя внешнее спокойствие, — а если я скажу, что вообще не люблю морепродукты, это сделает меня кем? Ложечницей? Или вилочницей?

Максим смеётся и кивает, будто я только что подтвердила его гениальную теорию, а я вдруг и понимаю, что вечер официально вошёл в зону «безнадёжно». Но ужин еще не закончен! Мой кавалер все не может уgomониться:

— Ну так что? Как думаешь, сколько мы потратим? Примерно. Навскидку.

Я уже знаю, что после этого ужина я позвоню Нине и скажу, чтобы она удалила приложение.

— Семь? — предполагаю почти шепотом.

Он хлопает ладонью по столу:

— Ого! Я думал, пять максимум.

Я кладу вилку.

— И что, если будет шесть?

— Тогда ты угостишь меня.

— Договорились, – парирую я и улыбаюсь. Очень вежливо улыбаюсь. Это, конечно, больше оскал, но Максим так рад моим словам, что не замечает этой грани.

Мы доедаем молча. Он делает ещё пару фото, а я мысленно составляю отчёт для Нюты. В разделе «особенности экземпляра» напишу: соль плюс бинокль плюс гастространичка – равно мужчина-жмот.

Слишком... пикантный микс, точно не для меня – и слава Богу!

Глава 6

Влада

Когда официант приносит счёт, Максим хватается бумажку быстрее меня, мельком смотрит, хмыкает и... достаёт карту.

— Шесть с половиной, — сообщает он, словно разгадывает кроссворд. — Ты почти угадала. Десерт — с меня! В следующий раз, разумеется.

— Великодушно, — киваю я, а сама еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

В следующий раз? Не знаю, как я вообще не расхохоталась.

— Да ты что, — улыбается Максим. — Всё честно. Мы ведь договорились. Я — за честность.

На этом месте мне почему-то хочется хрустнуть бокалом, но я сдерживаюсь. Всё, Влада, просто потерпи еще пару минут — и будешь свободна!

Мы поднимаемся почти одновременно. Он снова галантно подаёт мне пальто. Пока я надеваю перчатки, он с серьёзным лицом выбирает ракурс для финального кадра — нас двоих у входа, на фоне огоньков.

— Чтобы было, что вспомнить, — поясняет он.

Ага. Мне тоже нужно это фото — на заставку, чтобы больше не хотеть замуж.

На улице снег уже закончился. Я достаю телефон, быстро

вызываю такси и указываю в сторону Тверской.

— Мне туда. Такси уже ждет, прости, надо бежать.

— Да, конечно, на Тверской стоять нельзя, беги, — говорит он и вдруг снова улыбается так, как будто этот вечер был лучшим в его жизни. — Было приятно познакомиться с тобой, Влада. Удачи!

— И тебе, Максим. Удачи с... блогем.

Он машет рукой, а я быстрым шагом иду к Тверской. Когда опускаюсь на заднее сиденье такси, достаю телефон, нажимаю на контакт Любимая подруга и прикладываю гаджет к уху.

— Ну? — слышу в трубке голос, полный жажды крови. — Когда свадьба?

— Очень скоро, — нагло вру я. — Прекрасный вечер! Завтра покажу тебе поползня во дворе на Тверской, и запиши меня на курсы нутрициологов. Хочу быть под стать своему мужу.

— Сколько ты выпила вина? — вздыхая, интересуется подруга.

— Он не предлагал алкоголь, мы пили минеральную воду. Кстати, кто такие тарелочницы?

— Что? — Нина на том конце провода делает паузу, в которой слышно, как рушатся ее мечты. — Какие ещё тарелочницы?

— Вот и я хотела бы знать. Видимо, это женщины, которые по первому взгляду могут определить стоимость блюда.

Или те, кто приходит на свидания с калькулятором в сумочке.

— Тьфу ты. Он что, не заплатил за ужин?

— М-м-м, – я будто смакую на губах свой ответ. – Он устроил квест-угадайку по счёту. Я чувствую, что сдала ЕГЭ по отношениям и теперь обязана поступить в Институт одиночества с красным дипломом.

Нина вздыхает:

— Мне казалось, этот будет нормальным. Ну... внешне же он ничего так, да? – в голосе подруги все еще слышны нотки надежды.

– Это ему не поможет. Кстати, ты говорила, что он какой-то директор по развитию в энергетической компании, да?

– Вроде бы... – как-то неуверенно отвечает Нина.

– Врет! Он и словом не обмолвился об энергетике, – хихикаю я, откидываюсь на спинку сиденья и чувствую, как откатывает нервное напряжение.

Вечер был... абсурдным. Но лучше уж так, чем скучным. А ещё лучше — больше никогда.

— Слушай, — говорю, глядя на огни за окном. — А у тебя есть номер хорошего экзорциста? Хочу вычистить из памяти все фразы про «щелочную соль», поползня и «тарелочниц».

— Есть вариант подешевле, — отвечает Нина. — Второе свидание! Клин клином!

— Так. Я сейчас брошу трубку! – пугаю я подругу.

– Тогда я приеду к тебе домой, – парирует Нина. – Поверь, во второй раз будет лучше! Кандидат на второе свидание – как выдержанный совиныйон: интеллигентный, ироничный, с бородой, но не сектант. Работа у него серьёзная, слова «тарелочница» не знает и биноклей не носит. Я его лично отобра-
ла, как хорошее вино — по этикетке, составу и послевкусью.

— Нет, Нина!

— Влада, я всё понимаю. Но нельзя останавливать поезд, когда он, наконец, тронулся. Ты хочешь любви? Тогда придётся хотя бы выйти на платформу. Он не Максим. Он лучше. Просто... попробуй. Если он окажется идиотом — значит, у тебя будет еще один, хм-м-м, прелюбопытный вечер. Ну признайся, тебе же хорошо сейчас?

Я улыбаюсь. Мне действительно очень хорошо сейчас. Даже несмотря на неудачное свидание.

— Вообще-то да, – признаюсь я.

Внутри тепло и есть отчётливое ощущение, что я — живая. Давно такого не было! Да, я немного уставшая, но всё-таки готова попробовать ещё раз.

— Вот и отлично! Тогда завтра в восемь на том же месте? – с надеждой в голосе спрашивает Нина.

– Бедный Станиславский. За что ему это?

Подруга хихикает:

– Тогда до завтра? Может, после обеда прибегу к тебе в офис на кофе, у меня неподалеку один клиент намылился.

– Хорошо, забегай. Спокойной ночи, подруга.

— Спокойной ночи, тарелочница.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться, и закрываю глаза.

Прекрасный день, несмотря ни на что!

Глава 7

Влада

Снег у памятника Немировичу и Станиславскому сегодня лежит особенно торжественно, будто лично наблюдает за моей второй попыткой выхода на сцену семейной жизни. Я стою, оглядываюсь и думаю, что если Станиславский сейчас смотрит на меня из-за облачка, он явно готов кричать своё «Не верю! Ты опять приперлась?». Потому что я, честно говоря, и сама не верю, что пришла на второе свидание. Добровольно.

Нет, насчет добровольности я немного переборщила. Ни на кого хочешь убедит.

— Влада? — раздаётся голос за спиной.

Оборачиваюсь. Передо мной — Виталий. Высокий, тёмное пальто, тёплый шарф, в глазах почему-то лёгкая растерянность. Неужели я не оправдала его надежды? Вроде, фотка, где я ем мороженое на Патриках, без фильтров!

Что я знаю про Виталия со слов Нины? Он архитектор — но не из тех, кто строит один мост десять лет и потом даёт интервью о величии инженерной мысли, а из тех, кто получает проект коттеджного посёлка «под ключ» и имеет с этого бонус в виде трёх поездок на Мальдивы в год. У него есть собака по кличке Фрида, и эта Фрида, по словам Нины, «умнее половины её бывших». Он разводился один раз и, цити-

рую, «без мордобоя». А еще мы обе с Ниной надеемся, что, в отличие от Максима, он не коллекционирует бинокли, соль и теории заговора про женщин, которые выбирают дорогие блюда.

В общем, звучит как неплохой кандидат, поэтому Нина, когда на полчаса заглянула ко мне в офис, смотрела на меня так, как будто этот вечер — экзамен, и я не имею права снова завалить его. Как будто вчера это я была виновата, что Максик оказался гастроблогером и любителем понаблюдать за живностью с биноклем.

— Привет, — говорю я и стараюсь улыбнуться достаточно тепло, но всё-таки без лишнего энтузиазма.

— Ты у нас театрал или просто любишь бронзовых мужчин? — кивает на скульптурную группу Виталик.

— Просто хочу, чтобы у нас были культурные точки сборки, — пытаюсь пошутить я.

На улице сегодня ужасно холодно. И хоть я только что вышла из такси — уже продрогла. Надесь, меня не будут сегодня водить по дворам в поиске птичек или кошек.

Виталик указывает снова в Камергерский переулок и, как оказывается через пару минут, мы заходим в тот же ресторан, где я была вчера с Максимом.

Отлично. Осталось только, чтобы официанты начали ставить мне штамп «Свидание дня» при входе или сделали накопительную карту: «Приведи нового мужчину — получи десерт в подарок».

Я уже представляю, как меня встречает тот же официант, прищуривается и спрашивает: — Кого вы сегодня привели?

Официант, к счастью, молча берёт наши пальто, но я всё равно ловлю на себе его подозрительный взгляд — как будто он уже делает пометку в какой-то своей «Книге рекордов свиданий».

Мы идём вглубь зала, и вдруг Виталик резко замедляется. Его взгляд застывает, я прослеживаю, куда он смотрит, и вижу за столиком у окна женщину в чёрной водолазке, с бокалом вина. Рядом с ней мужчина в пиджаке, но смотрит она не на него. Она смотрит на нас. И особенно — на Виталика.

Он тут же краснеет. Настолько, что я почти слышу, как его внутренний термометр щёлкает на отметке «максимум».

— Всё нормально? — тихо спрашиваю я.

— Да... просто... — он откашливается, — это моя бывшая.

Я моргаю. Ну конечно! Вчера — Максим и поползень, сегодня — Виталик и бывшая. Что дальше? Ужин с налоговым инспектором?

— Не подумай... — он сразу поднимает руки, как будто оправдывается. — Я не знал, что она здесь. Честно.

И я понимаю — это правда. Место выбирала я. Вернее, Нина. Так что совпадение абсолютно случайное. Но краснеет он так, будто застали за чем-то неприличным.

— Я не знал, что она будет, — повторяет он, словно мне нужно это услышать еще раз. — Правда, случайность.

— Расслабься, — говорю я, — я же не твоя жена, чтобы устраивать допрос.

— Да, но... — он бросает еще один взгляд в её сторону, — просто она сейчас подумает, что мы вдвоем.

Мы уже присаживаемся за столик, и официант подает нам меню.

— Ты хочешь, чтобы я пересела? Или что? — не понимаю я. — Или наоборот, ты хочешь, чтобы я назвала тебя «котиком» и сделала влюбленные глаза?

— Котиком не обязательно, — быстро отвечает он. — Просто... подыграй. Сделай вид, что у нас всё серьезно.

Виталик явно нервничает и присаживается ближе. — Можно, я обниму тебя? Так, чтобы она видела.

Внутри у меня происходит короткое замыкание. Обнять?! Мы знаем друг друга ровно десять минут — если не считать виртуальной переписки, которую — сюрприз! — вела не я.

— Обнять... — тяну я. — Ну, давай...

Он нервно усмехается и тут же садится еще ближе. Я чувствую запах его парфюма — дорогого, но явно налитого с утра в объёме «на год вперёд». Его рука оказывается на спинке моего стула, и он, кажется, собирается... да, вот сейчас — поцеловать меня???

Я делаю то, что любая умная женщина сделала бы на моём месте — замираю и включаю режим наблюдателя. Бывшая в этот момент перестаёт пить и, кажется, переходит в фазу «Я готова взорваться прямо тут!».

— Ещё могу взять тебя за руку, — предлагает он шёпотом.

— Так... интимнее.

— Ага, интимнее, — я ухмыляюсь. — Осторожно, Виталий, а то я привыкну.

— Я серьёзно, — он уже тянется к моей ладони.

Я позволяю, думаю, пусть будет. Если это сведёт счёт с бывшей в пользу его мужской самооценки — ладно. Всё равно этот спектакль уже идёт, а я в нём, похоже, ведущая актриса.

— Спасибо, — выдыхает он, и я почти слышу, как его это приподнимает голову и машет флажком.

Виталик поправляет мою руку так, чтобы она «случайно» оказалась у него на колене. Видимо, в его картине мира это высший уровень интимности — особенно, когда в зале есть свидетели из прошлой жизни.

Бывшая делает вид, что занята разговором с мужчиной напротив, но я вижу, как её взгляд стреляет через стол в нашу сторону, словно лазерная указка. И тут Виталий наклоняется ещё ближе: — Может... ну... для убедительности... поцелуемся?

Я медленно поворачиваю к нему голову. — Виталий, мы знакомы всего двадцать минут. Если мы поцелуемся, то дальше придется съезжаться и покупать собаку. — У меня уже есть Фрида, — серьёзно отвечает он, будто это снимает все вопросы.

В этот момент я понимаю: хватит. Театр театром, но сю-

жет начинает уходить в сторону бразильского сериала. Я выдыхаю и решаю действовать по-своему.

— Слушай, — говорю, — а почему бы тебе просто не подойти и не сказать ей всё? Ну, типа: «Привет, я скучаю, давай поговорим». Он смотрит на меня, как будто я предложила прыгнуть с парашютом – без парашюта. — Не... не получится. Мы поссорились полгода назад из-за ерунды, но теперь... как-то неловко. — Полгода неловко, Виталий, — я поднимаю бровь. — Ты понимаешь, что это смешно?

Он молчит, и я уже вижу, как его взгляд снова уходит к ней. Ладно, раз мужчина не готов, на сцену выйдет женщина.

Я встаю и не оборачиваясь, направляюсь к их столику. — Привет, я Влада. Не переживай, мы с Виталием знакомы всего двадцать минут, но он уже успел рассказать, что скучает. Не по мне, конечно. Думаю, вам стоит поговорить.

Она моргает, потом смотрит на него и снова на меня.

— Правда? — спрашивает она его, и он, красный как спелый помидор, кивает.

Через минуту они уже стоят и обсуждают, кто был неправ, а еще через две они вместе уходят к гардеробу.

Я возвращаюсь за стол, довольная своей дипломатической миссией, и думаю, что если бы я работала в ООН, войны заканчивались бы гораздо быстрее.

Официант как раз приносит воду, а к моему столику подходит тот самый мужчина, что сидел с его бывшей и внезапно остался без спутницы.

Моими стараниями. — Можно? — кивает он на свободный стул. — Я просто коллега жены Виталика. Мы ужинали по работе.

У меня в голове уже формируется новая мысль: ну вот, похоже, свидание 3 у меня назначилось само собой.

Глава 8

Влада

— Можно? — мужчина кивает на свободный стул. — Я просто коллега жены Виталика. Мы ужинали по работе. — Конечно, — говорю я и думаю, что моё лицо сейчас, наверное, выражает то же, что у человека, который заказал кофе, а ему принесли страусиное яйцо.

Он садится спокойно, будто мы с ним встречались уже десятки раз, и даже, кажется, не думает о том, что минуту назад за этим столом сидел другой мужчина.

— Вы знаете, — продолжает он, — у вас был очень... эффективный метод мирить людей. — Спасибо, — чуть склоняю голову я. — Обращайтесь. Первый раз бесплатно. Дальше по тарифу.

— О, нет, спасибо, мне этого не надо! — поднимает он ладони вверх.

— У вас нет бывшей?

— Есть, — спокойно отвечает он, — но она живёт в Австралии, и чтобы её со мной помирить, вам придётся лететь туда. — Не проблема, — говорю я. — Главное, чтобы вы оплатили мне бизнес-класс. — Тогда я лучше оставлю всё как есть, — вздыхает он. — Тем более, с моим везением, вы ещё и всех кенгуру там примирите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.